

КРОКОДИЛ

ЖЕРТВЫ ТОВАРИЩА УРОЖАЯ.

В связи с хорошим урожаем в СССР, русские белогвардейцы за границей впали в уныние.

Рис. Ю. Ганфа.

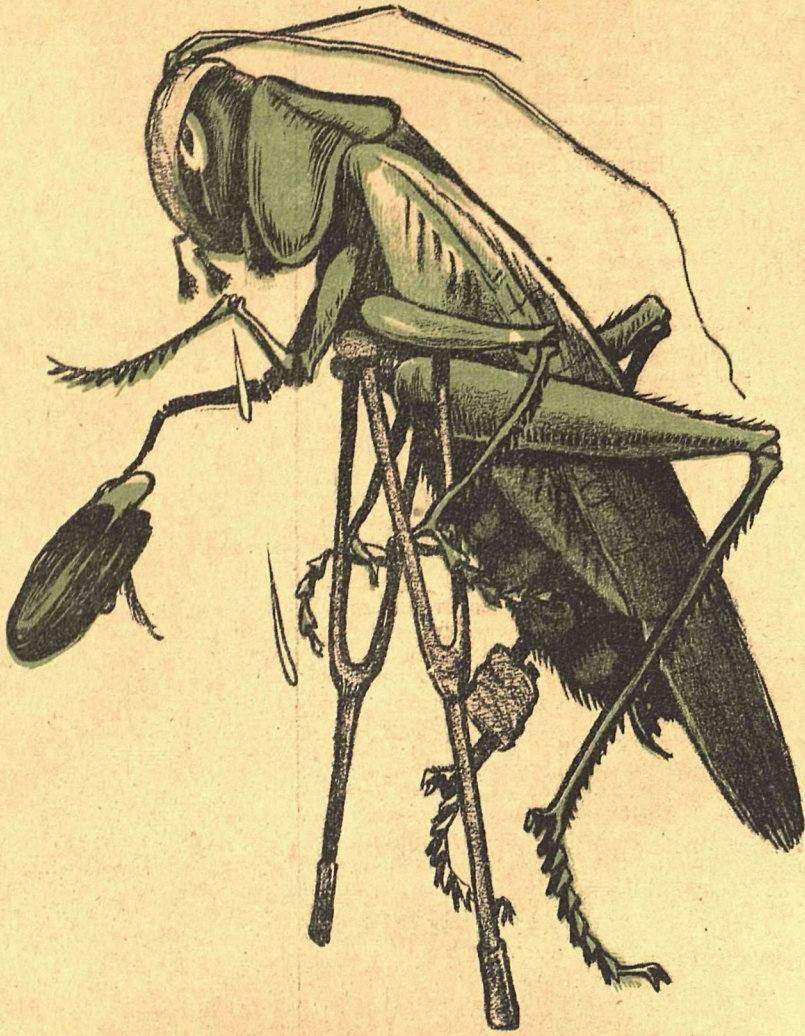

— Вы что же это, братья, пострадавшие от неурожая, что ли?
 — Никак нет. Мы—пострадавшие от урожая.

ПОСЛЕУРОЖАЙНОЕ.

Рис. К. Елисева.

Следует отметить успешную борьбу
Авиахима с вредителями.

— Подайте бывшему вредителю, пострадавшему от Авиахима. Имейте сожаление, три месяца ничего не ел.

ПИОНЕР-ВЕТЕРАН.

На бревнах, в пыли городского двора,
Тесно жались в кружок детвора.
В центре, как старый седой ветеран,
В боях огрубелый, усталый от ран,
Сидит деловитый и важный такой
Пионер с подвязанной марлей рукой.
Льется в молчаньи глубоком рассказ:
— Как-то стояли мы лагерем раз.
Верст так с пятнадцать тут от Москвы,
Не знаю, знакомы ль с той местностью вы.
Кустарник, орешник, густой-прегустой...
И в самой глуши стали мы на постой.
Разбили палатки. И выпала ночь,
Темно — ни звездочки: чернила точь-в-точь.
Как раз на дежурство итти было мне.
Я встал у костра. Веселей при огне.
Стою. Все затихло. Уснуло звено.
Спать хочется страшно. Вокруг все темно.
Вдруг, — вижу, два глаза горят, как огни.
Ну, думаю, волки! Наверно они!
Тревогой будить не хотел я ребят:
Поход был не близкий. Пусть, думаю, спят.
Но зря не совру: не хотелось попасть
С размаха мне в волчью голодную пасть.
Он воет, а я ожидаю прыжка
И крепко дубинку сжимает рука.
Вдруг — вот он! Явился при свете огня,
И разом, как камень, упал на меня.
Я яростно бился и был, как во сне,
Пока подоспели на помощь ко мне.
Когда я очнулся — болела рука,
Ведь зубы у волка не меньше вершка...
Решили, что это был бешеный пес.
Я спорить не стал, но смеялся до слез.
В собаках и сам понимаю я толк,
Уж мне то известно, что это был волк.
Вот жаль, монтекристо не выдали нам,
На месте его уложил бы я там;
Тогда бы увидели: волк иль не волк.
И с горькой усмешкой рассказчик умолк...
Прижавшись друг к другу, ребята молчат.
Сердца у ребят напряженно стучат.
И душно ребятам на узком дворе.
И хочется прыгать в лесу на заре.
В ручье черпать воду в походный кувшин,
И с волком побиться один на один.

Вас. Лебедев-Кумач.

ПРЕСТУПНОЕ ДЕЯНИЕ.

Лето кончалось. Отпуска тоже кончались. Приближалась довольно трудная пора съездов, конференций, торжественных юбилеев и расширенных пленумов.

В один из внеслужебных часов одного из рабочих дней на Советской площади остановился неизвестного тарифного разряда человек. Постояв, он истово поклонился на все шесть союзных республик и сказал громким голосом:

— Вяжи меня, советский народ! Повиниться желаю, — совесть замучила. Волоките меня прямохонько в Огепею!..

На допросе человек неизвестного разряда показал:

— Три с половиною тысяч человеко-часов загубил. Как единую секундочку, товарищ следовательно!..

— Когда и при каких обстоятельствах это произошло? — спросил следовательно, содрогнувшись от ужаса.

— Весной было дело, — угрюмо сознался преступник. — На губс'езде союза нашего, — вот когда. Мне-б тогда же и повиниться притти, да заробел: гражданской храбрости не хватило. «Проведу, — думаю, — отпуск в покаянии, грех-то отляжет от сердца»... Обетов разных себе надавал: газет не читать целый месяц, политграмоту повторить, в Госиздате на чьи-нибудь сочинения подписаться в рассрочку... Да нет, что уж там: только пуще себя разбереживал! А как теперь стало дело к осени да к новым съездам и конференциям подходит, — ну, нету моей моченьки окончательно: душу всю перевертывает! «Дай, — думаю, — повинюсь: будь, что будет»... Вот, значит, сейчас и того... по всей совести и без утайки скажу. Записывайте в протокол: на нашем губс'езде организовал я приветствия в день открытия, и растапулись, конечно, эти приветствия на семь часов, не считая десятиминутного перерыва.

Следовательно записал и сказал:

— Так. Дальше. Что же, собственно, толкнуло вас на подобное преступление?

— Кабы толкало что!... — с чистосердечным раскаянием вздохнул преступник. — То-то, что ничего не толкало, и даже отговаривали товарищи. «С'езд, — говорят, — деловой, повестка большая, и к чему-ж тут эти самые помпы?»... Так нет, не пронялся я. «Как же-ж так, мол, чтоб вдруг без приветствий: и не слыхано, и не видано!»... Организовал. По всей форме, с ответственными. И Лозовский товарищ, помню, приветствовал, и Мельничанский, и Луначарский, и премногие прочие...

— Так. Лозовский, Мельничанский, Луначарский... Можете назвать имена остальных сообщников?

Преступник замахал руками:

— Что вы, товарищ следовательно: какие-ж сообщники!.. Нешто они по своей доброй воле? Да я, может, за каждым дня по три гонялся и улещал, да сколько времени в парт-комитет путевки на них выкапывал! По своей охоте кто-ж на такое дело пойдет?.. Вот только, действительно, представительница женотдела, — семнадцатой по счету приветствовала, — та по собственному почину минут на сорок на пять слово взяла... Ну, по-отмененному выражаясь, уж бог ей судья, а я никого виноватить не хочу и все на себя принимаю. И даже, если по совести, то обязан добавить...

— Ну!

— Такая еще подробность. Публика злится, делегаты волнуются: «Что-ж это, мол, за приветствие, — на целый час с четвертью оратор завелся!».. А и невдомок им, что я сам оратору записку послал: «Постарайтесь растянуть не меньше, чем на час»...

— Зачем?..

— А затем, что — кто его знает: вдруг остальные приветствователи не все приедут? Конечно, мы уж и слежку устраиваем, и на телефонах висим, и автомобили присылаем, — ну, а вдруг, все-таки, изловчатся которые высклизнуть?.. А у нас концерт-то на одиннадцать вечера назначен: надо-ж время занять до него!

— Как: еще и концерт?..

— Само собой, что концерт. Кого-ж без этого на торжественное открытие стонишь? Не приветствия-ж слушать пойдут! Из-за концерта и терпят...

Следовательно записывал. Преступник покаянно качал головой и бормотал:

— Пятьсот делегатов, — семь часов приветствий... Три с половиною тысячи человеко-часов, как секундочку: фьюйт! — и нету!! Да еще о международном доклад... По совокупности уж кладите... Грехи наши тяжкие!..

Грамен.

— Очень мне Вася плохо. Просто места себе не нахожу.

— А вы бы попробовали просто найти себе место. В тепленьком тресте. Сразу стало бы хорошо.

Бокс.

(Инструктивный доклад по рабочему кредиту).

Уважаемые товарищи!

Мудрая русская пословица говорит: готовь сани летом, а телегу зимой. Смысл этой мудрости в применении к делу рабочего кредитования сводится к необходимости заблаговременной подготовки именно того, что в этой подготовке нуждается.

У многих кооператоров и руководителей госторгов создается впечатление, чрезвычайно далекое от правильного понимания дела, будто для организации рабочего кредита совершенно достаточно подготовить ассортимент товара и правильно скалькулировать цены. Подобное отношение к делу я позволю себе назвать недопустимым кустарничеством, тем более, что рабочий кредит состоит не только из товаров и цен, но в равной, если не большей, степени также и из отношения продавцов к кредитующимся. Между прочим, именно в этой области рабочего кредита в последний год наблюдались значительные упущения, вызывавшие совершенно справедливые нарекания со стороны на кредитующие учреждения.

Подготовка соответствующего ассортимента товаров не представляет ничего сложного ни технически, ни хозяйственно: за какие-нибудь сутки до открытия кредитования магазина можно привести в полную кредитную готовность при помощи двух-трех подвод, — вывозится мануфактура, обувь, посуда и прочие пережитки. На оставшиеся в магазине статуэтки, галантерею и парфюмерию цены повышаются на пятьдесят процентов, и магазин можно считать вполне готовым для выполнения возложенных на него задач.

Далеко не так просто достигается подготовка личного состава. Прежде всего — необходимо время. Сразу поставить продавца на должную кредитную высоту не удастся даже в том случае, если он обладает явным к тому расположением. Следовательно, о подготовке надо позаботиться заранее, минимум за два-три месяца.

Конечно, в прежние времена военного коммунизма это давалось бы чрезвычайно легко: стоило лишь сократить паек для продавцов, предназначенных к обслуживанию кредитующихся, и дело было бы сделано. Но сейчас не двадцатый год, товарищи! — поэтому приходится принимать целый ряд последовательных мероприятий, из которых основными мы считаем следующие:

Минимум за два месяца следует применить в широкой степени назначение на сверхурочные работы, систематически затягивая оплату оных.

За полтора месяца — применить систематическую задержку в выдаче зарплаты, с указанием, что означенная задержка имеет своей основной причиной рабочий кредит, сокративший приток средств в кассу и тем самым затрудняющий расплату со служащими.

За две недели поставить вопрос о предполагающемся сокращении штатов и снижении зарплаты вообще в магазине, ссылаясь на тот же рабочий кредит, требующий вследствие своей якобы убыточности сокращения расходов не только накладных, но и вообще.

Хорошо было бы применить, конечно, содержание в темном помещении на хлебе и воде, подаваемых через сутки, но, в виду несовершенства наших кодексов, от этой меры в силу необходимости приходится отказаться.

Исчезновение у подготовляемого служащего признаков членораздельной речи, а также попытки его с диким рычанием вцепиться зубами в менее подготовленного сослуживца — являются вполне достаточными признаками возможности приступить к широкому кредитованию рабочих и служащих как в коллективном так равно и индивидуальном порядке. Все же для верности рекомендуется в день решительной вывозки товаров из магазина поручить эту операцию подготовляемым служащим и, как бы случайно, запереть их на ночь в магазине, с тем, чтобы при виде очереди кредитующихся перед запертыми дверями названные служащие сразу проявили себя людьми, достойными оправдать доверие кредитующих органов.

В заключение считаю необходимым довести до вашего сведения, что все слухи о моем увольнении со службы в кооперативе «Серп и Молот» якобы за склонение к сожительству кассирши означенного кооператива — не соответствуют действительности, так как фактически я нахожусь под судом за использование служебного положения в личных интересах, преступное бездействие власти, превышение оной и эксплуатацию служащих.

Докладчик Семен Расторгуев.
Стенографировал Вл. Павлов.

— Вы знаете, „Крокодил“ из ряду вон выходящий журнал!

— Да. Это почти верно. Из Охотного ряда № 7 выходящий.

Бокс.

(Программно-любовная лирика).

Давно знакомая картина:
Она и он. Луна и сад...
Она сидит довольно чинно,
А он... — «Безумствовать» он рад!
И говорить готов он сутки,
Своей настойчивостью горд:
— Все это, Нинка, предрассудки!
Их надо выкинуть за борт!
Не комсомольский тон взяла ты!
Я тоном возмущен твоим!
Подумай: Эрос я крылатый,
А ты зовешь меня Ефим!...
И отвечает комсомолка:
— Ну, что за глупый, дикий бред!
Ефим! Любовь такого толка
Нам принесет один лишь вред!
Одна малейшая промашка,—
И я могу навеки пасть.
Вполне согласна я с Семашко:
Должны обуздывать мы страсть!...
У Нинки на щеках румянец...
О, как ей тяжело в этот час!
— Я, знаешь, не вегетарьянец! —
Ефима раздается бас.—
Теперь в любви другая школа,
Теперь не то, что в старину!
Ты мне поверь: в проблеме пола
Собаку с'ел я не одну!..
Ефим пылает, он — в угаре,
Но Нинке странен этот пыл:
Совершенно Бухарин
О власти тела говорил!..
Луна и сад... В разгаре лето...
Она — солидна, он — горит...
— Ну, успокойся... Можно-ль это?! —
Ефиму Нинка говорит.—
Уйми игру преступной крови!
Подальше будь! Не млей!! Не тай!!!
Она любила — по Смидович,
А он любил — по Коллонтай...

Михаил Пустынин.

В ЗООПАРКЕ.

Рис. К. Ротова.

ЖЕНА: — Уже на носу осень, а эти бедные птички почему-то до сих пор еще не улетели. Почему такое?
МУЖ (мрачно): — Вероятно они дали подписку о ... невылете.

Рис. К. Ротова.

- Скажите, лейтенант, отчего ваша сабля в таком запущенном виде?
- В этой проклятой стране, сударыня, ее приходится держать вечно в „черном теле“.

В И Л Ы В Б О К

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ЗАВ.

О нравах некоторых представителей власти Автономной Чувашской республики сообщают любопытные сведения:

«В г. Чебоксары заведующий Обоно Михайлов, напившись пьяным, разделся и поехал на лодке рыбачить. Во время его пребывания на Волге у него стянули костюм. Узнав о пропаже костюма, Михайлов звонит в милицию, приказывая сейчас же оцепить город радиусом в 12 верст. На ответ милиции о невозможности исполнить это требование, Михайлов угрожал арестами».

Обыскав город, вероятно, можно найти костюм Михайлова, но для того, чтобы найти такого второго совумника, нужно обыскать весь СССР...

ПЕРВЫЕ БУДУТ ПОСЛЕДНИМИ.

В том же городе отличается и другой Михайлов.

Секретарь исполкома Павел Михайлов в служебное время с приятелем залез на крышу пивной Стенанова, оба разделся, потребовали пива и развлекались битьем стекла, швырянием в проходящих чем попало и разными другими бесчинствами. Вызванная милиция в количестве 8 человек не могла снять буйнов с крыши. «Я первый кандидат в члены исполкома», — кричал Михайлов. — «Не смейте арестовывать!»

СКРОМНЫЙ ИЗДАТЕЛЬ.

В Мосрайком металлистов пришла из Севастополя повесточка:

«Прошу о выписке для профсоюзных организаций, для раздачи членам союза, избранным народными заседателями, изданную мною брошюру: «Что должен знать народный заседатель» (изд. 2-е) (цена за 100 экз. 10 руб. с пер.) — Севастополь, секретарю особой трудсекции Доронину».

Ишь ты, 2-е издание... Впрочем, при таком коммерческом таланте автора каждая книга себя оправдает.

ВЕСЕЛЫЙ ДОМ.

В г. Бежица, Брянской губ., заведует Домом Крестьянина быв. староста Кузин. Он грубо обращается с крестьянами, сильно пьянствует; по ночам с друзьями в пьяном виде шатается по дому, с криками и пением, мешая спать крестьянам.

По дому шататься, да еще с друзьями—туда-сюда, а вот как по белому свету придется шататься, да без работы, это куда хуже!

И В ХВОСТ, И В ГРИВУ.

Одинокие рабочие Курловского стеклозавода, не имея квартир, принуждены платить частным квартирохозяевам за право спать на сеновале или в погребе по нескольку рублей — это при среднем заработке в 15—20 рублей в месяц. В то же время с них вычитают деньги за отопление, освещение и квартиру.

Интересно знать, вычитают ли еще с бездомных рабочих за сено, как за постельное белье, и на ремонт неба, которое, наверное, часто протекает. А если нет, так за что же получает жалованье квартирная комиссия?

ЩИ ДА КАША — ПИЩА НАША.

В Равенском районе на алмазном руднике, в кооперативной столовой, обнаружена в бочке с баклажанами дохлая кошка, пролежавшая там несколько месяцев. Обедующих рабочих все меньше.

Невкусные щи пришлось хлебать рабочим. Таковую же невкусную кашу придется расхлебывать правлению кооператива за хорошие санитарные условия.

НЕОБРАЗОВАННЫЙ.

Интересен образ действий директора курорта озера Карачи — доктора Штамова:

Рабочему при принятии на службу задается вопрос: «Член профсоюза?» — «Да, член». «Не надо, — ты знаешь закон о труде, а у меня его не существует». То, что кодекс для Штамова не писан, подтверждается и ревизионным актом от 13-го июня № 150. Инспектор труда получил за это немало «крепких» пожеланий от доктора Штамова.

Уважаемый директор! Если бы вы знали так же хорошо уголовный кодекс, как рабочие знают трудовой, то ваши поступки носили бы другой характер.

— Митя! Что-ж это ты делаешь? Ведь это «Вилы в бок».

— Плюю я на них.

— Ой, не плюй в колодец. Пригодится на вилы садиться!»

СКВЕРНАЯ БОЛЕЗНЬ.

Жалуются рабочие г. Ярцево.

— «Чтоб попасть в больницу, приходится долгими часами стоять в очереди по досатней всего, что «вод тв-нник» фельдшера, акушерки, сиделки проходят без очереди, а рабочий стоит да стоит...»

Сами, можно сказать, без пяти минут врачи, а свою родню никак вылечить не могут. И не совестно!

О ТОВ. АФРИКАНОВЕ.

Завед. Московским клубом коммунальщиков 2-го участка службы пути—тов. Африканов. «Так орет на рабочих и клубников, что или у вас лопнут переноски, или вы умрете со страху» — пишут нам рабочие.

Александр Васильевич Африканов, умерьте свой африканский пыл.

ИЗВИНЯЮСЬ — ОПЯТЬ ШЕФ.

Из Грозного пишут:

В ноябре 1924 г. Нефтесиндикат в Грозном принял шефство над крестьянами слободы им. Калинина и с тех пор палец о палец не ударил.

А зачем же ему ударять палец о палец? Они Нефтесиндикату нужны. Он сквозь эти пальцы смотрит на свои шефские обязанности...

ПО-СТАРИНКЕ.

Из подорожной управления Уральского округа связи:

«Почта из..... до..... которую через все города и станции вести днем и ночью со всяким поспешением, не мешкать нигде»...

Теперь понятно, почему у них в начале подорожной напечатана «Российская Федеративная Советская Республика».

С таким «поспешением» разве до «социалистической» доведешь?

БЕЗВКУСНАЯ КАРАМЕЛЬ.

Госкондитерская фабрика «Красный Октябрь» в Москве (?) выпустила карамель «Наша индустрия», на этикетке которой помещено следующее изумительное четверостишие:

Довести до дележа-б

Нас—буржуи кучатся,

Да советский дирижабль

На границе пучится.

Беда, коль сапоги тачать начнет пирожник (Моссельпром то-бишь), да еще при том на конфетных обложках.

ИЗЛИШНЯЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Иркутская «Власть Труда» поместила заметку о необходимости закрыть притон «Маржан». Местный Угрозьск прислал в редакцию объяснение своего агента, который подтверждает, что там происходят сходки разного уголовного элемента, резня на ножах, там же задерживаются преступники и морфинисты и обворовываются посетители.

Конец объяснения угрозыска несколько неожиданный: «Дальнейшее наблюдение за «Маржаном» велется».

Интересно, что еще не ясно губрозьску. Отбивают только у ученых хлеб и занимаются астрономическими наблюдениями, вместо того, чтобы честно заработать свой хлеб и прихлопнуть это «гнездышко».

СВЕРХ-СПЕЦЫ.

В Павлодарском уезде, Семипалатинской губ., имеется курорт «Муялды». К открытию лечебного сезона начали готовиться еще с прошлого года. Спецы Местхоза и Уздрава составляли полгода проекты и планы. Когда нужно было уже приступать к работе, оказалось, что эти планы неосуществимы. Составили новые планы. Наскоро сколоченный грязепровод из теса просмолили для непроницаемости. В результате, к больным в ванны вместе с грязью сочится смола и приклеивает их к ломам.

Если уж ремонт здоровья, то ремонт восторонний,—решили спецы.—Смола, она вещь полезная для здоровья, а что липнет малость,—это неважно. Вот спецы, ведь, вышли невредимыми, не влипли пока в грязную историю.

НА ЭТОМ САМОМ МЕСТЕ.

Кубано-Черноморская окр. контора Госторга возбудила ходатайство о постройке элеватора в Павловском районе. Такое же ходатайство возбудил и Хлебобиродукт. Обе организации начали завозку нужных для постройки материалов и приступили к земляным работам. Привезли даже мастеров из Ростова. В результате, право на постройку передано Хлебобиродукту, а денежки, вложенные конторой Госторга, горько заплакали.

И как им, беднейшим не плакать? Рассчитывали очутиться в карманах местных крестьян и уплату за новый урожай, а оказались вылетевшими в трубу из-за конкуренции двух госучреждений. В трубу лететь—удовольствие не большое. Как бы кой-кому на практике не пришлось в этом убедиться.

КОГДА РАК СВИСТНЕТ.

В Поповическом р-не, Кубанск. округа, по реке Понура расположено селение Бойко-Понурское, а вниз по течению на 7 верст — станица Старо-Величковская. И вот Поповический РИК предлагает совету Старовеличковскому повернуть течение реки Понуры обратно, дабы дать приток свежей воды Бойко-Понурскому селению.

«Крокодил» надеется, что РИК станет сознательнее, хотя бы тогда... когда реки потекут обратно.

ГРОМ НЕ ИЗ ТУЧИ.

Вот какие грозные бумажки рассылает ответственный секретарь ячейки РЛКСМ села Петропавловска, Акмолинской области:

ОТНОШЕНИЕ.

В контору племхоза № 1.

Настоящим предлагаю вам исключить из совхоза Новикова Николая, прогнать в 24 часа за нарушение порядка и драку с своей супругой Ольгой и как нештатного и не поденного работника, и как лодыря и нехотящего лодыря всеми своими выходками в корне дискредитирует данное учреждение. Настоящее отношение приводится в исполнение 19 июня 1925 года, в 12 часов дня.

ОТВ. СЕКРЕТАРЬ ЯЧЕЙКИ РЛКСМ ТОЛМАЧЕВ.

19 июня 1925 года.

Исх. № 31.

Кажется, какое отношение может иметь секретарь ячейки РЛКСМ к внутреннему порядку в племхозе? А вот поди-ж ты! Вообразил себя парень грозным администратором и трахнул официальную исходящую бумажку прямо на вилы «Крокодилу».

ЛИКБЕЗГРАМОТНЫЙ ИНСТРУКТОР.

Инструктор Семеновского Уполитпросвета, Нижегородской губ., Замашкин, мобилизованный для производства учета неграмотных в Каверинской волости, комсомольцев и учителей снабдил следующей толковой инструкцией:

§ 2. Товарищ, командиремый для переписки, должен знать, что выполнение заветов тов. Ленина есть дело революции, а следовательно отсюда и вывод, что ведущий к исполнению в практической работе, завет тов. Ленина он является ответственным лицом за революцию.

После такого умелого теоретического подхода, грамотный инструктор дает практические указания:

§ 7. Товарищ, придя на назначенное ему место, сейчас же берет себе в помощь члена сельсовета.

§ 12. При объезде товарищами всех даденых ему для учета селений, работа предназначается ему считается законченной и вместе с оформленными списками тов. выезжает немедленно в ВИК.

Каковы замашки у тов. Замашкина? И кто же его грамоте обучит, если он сам едет «ликвидировать неграмотность»?

БЕЗ ЛОЖНОЙ СКРОМНОСТИ.

Нам прислали воззвание правления Надеждинского рабклуба в Свердловске. Вот несколько фраз из этого возвания:

«Не так давно мы провели первую общезаводскую рабочую прогулку. И эту первую попытку нельзя считать неудачной.

Хорошо отдохнули и почерпнули много полезного и необходимого для нас. И мы, разумеется, не можем этим ограничиться. Говорят, что «первый блин» всегда комом, но у нас прогулка не прошла комом, хотя и был целый ряд недостатков. На прогулке мы имели в этой области большое достижение».

Какие пышные фразы. Любой составитель учебника немецкого языка позавидует!

Что же касается достижений, то, по сообщению нашего корреспондента, они были таковы: по приблизительному подсчету на прогулке выпили одного пива более 3-х бочек и 6 человек свезли в больницу.

Изрядные достижения, и организаторы прогулки в праве гордиться!

ЧЕРНЫЙ СЕКРЕТАРЬ.

Секретарь Ялтинского РИКА Черный грубо обращается с крестьянами. Когда несколько ялтинских крестьян были, по ошибке, оштрафованы РИКом и ошибка обнаружилась, Черный гонял их около месяца то в сельсовет, то в милицию, и только благодаря настойчивости сельсовета штраф сложили.

Между прочим, когда новый секретарь месткома занимался в общей комнате РИКа, Черный крикнул ему: «Выгони тебя, как собаку, с твоим месткомом, если будешь тут разговаривать».

От Черного—и черные делишки. Вообще, пора раз навсегда избавиться и от черных, и от белых секретарей! Лучше будет, если Ялтинский РИК возьмет красного. Так-то!

Рис. К. Ротова.

ЛЮБИТЕЛЬ.

РУКИ ПРОЧЬ!

Изобретательные люди — повара столовой ЦРК № 4 на старом поселке группы Коминтерна в Грозном. До того они изобретательны, что все собственными руками делают:

«Жаркое, котлеты или рис кладут руками в тарелки. За это их уже пробрали в газете, они же свое продолжают».

Отчаянные ребята. И как это они не обожгутся? «Крокодил» на что рисковать любит, и то всякую «пищу», даже грозненских поваров, берет на вилы, а не лапает.

НА ВСЕ РУКИ...

«Крокодилу» сообщают:

«Ячейка РКП (б) отдельной карроты, г. Ростов Ярославский, приняла шефство над деревней Демьяны. На первый раз, когда выехали в деревню, руководитель хорового кружка тов. Смирнов напился пьяным и вызывал всех подшефных драться на кулачки».

Вот уж, действительно, кто на все руки мастер: и руковод, и рукобоец.

ФАНТАЗЕРЫ.

Из объявления в газете «Красное Прикамье»:

«Сарапульский промкомбинат извещает т.т. потребителей, что им в городе Сарапуле открыт завод фруктово-ягодных шипучих вод, лимонадов и фантастических напитков...».

До чего шипучая фантазия у Сарапульского промкомбината!

БЕЗЖАЛОСТНЫЕ.

Каменский уком РКП (б) дает такого рода задание тов. Мочинят:

«Выступить с докладом-лекцией в Марусино, Рюхово, Ранцево, Павловка, Сорокино и Высокое в качестве докладчика 5-го июля в 4 часа 25 года на тему «Советское строительство и кооперация».

Зав. агитпроп. А. Перовский».

В один и тот же час в 6 местах. Безжалостный агитпроп. И так мало пропагандистов, а тут их, не задумываясь, рвут на части.

ВЕРНЫЙ СПОСОБ.

Учитесь, как надо бороться с самогоном. Вот:

«Председатель Булановского сельсовета, Челябинского округа, Зязев, 25-го апреля зашел к гражданке Босковой и потребовал 2 бутылки самогону. Выпив самогон, он пошел к гр. Ширинке и потребовал четверть самогона».

Если так пойдет дальше, то факт—самогону в селе Булановском крышка. Рассердятся самогонщики и выбросят свои аппараты.

ГДЕ ДО ТЛА, ГДЕ ДО ДНА.

«В Ростове Ярославском, несмотря на строгий приказ, пожарная команда в большинстве своем каждый день пьянствует».

Каждый день! Вот, уж, действительно, про таких пожарников не скажешь, что у них кишка тонка.

ПРОХОЖИЙ (с восхищением):—Ну, и ругаются же парни! Битых два часа стою здесь и слушаю. Три заседания пропустил! На четвертое опаздываю. А уйти жалко: авось подерутся.

ЗАЧЕМ СТЕКЛА БИТЬ? ЛУЧШЕ САМОГО ШИВРИНА!

Дело было так. Инвалид, батрак (комсомолец Печенкин, проезжая на родину, остановился в Челябинске и обратился в Собес за помощью. В Собесе ему отвелили:

— Помочь ничем не можем.

Печенкин рискнул обратиться в Собес еще раз. И опять Собес помощи не дал, а отправил батрака в ночлежку, где его обитатели ночлежки раздели донага.

Что делать? Пошел Печенкин в 1-е отделение милиции, там его одели и опять направили в Собес.

И до чего только не могут додуматься люди,—заведующий Собесом Шиврин дал батраку такой совет:

— Разбей в учреждении окно, тебя посадят месяца на 3, а там (понимай, в Исправдоме) будут кормить. Станет тепло, уедешь домой.

Ну, чем плохо придумал челябинский зав. Собесом Шиврин? Гениальная личность! Разбей, говорит, в учреждении окно и получишь бесплатную гостиницу на полном пансионе за решеткой. Это батраку-то, инвалиду, да еще комсомольцу — вместо помощи да тюрьму?...

Ежели бы «Крокодил» на месте Печенкина очутился, он бы не стал стекла бить: ведь, государственное, народное добро. Лучше бы лапой по зубам Шиврину дал. Пускай «Крокодила» в тюрьму тащит. А, может быть, и суд простил бы? За этакое-то дурака да наказывать!

Нема.

1.

Лазуткиным в квартирном отношении везло. Сперва они жили в особняке графини фон-дер-Штуцце, потом переехали в особняке княгини Гагариной. И все «по-знакомству», все «благодаря связям».

Созерцая свое квартирное великолепие, Лазуткин говорил жене:

— Ты, Манечка, обрати внимание на гобелены! Теперь такой прелести за тысячу рублей не найдешь... Сочетание красок, сюжет из мифологии...

Четырехлетний Шурик был жестоко высечен за желание познакомиться ближе с чудесными гобеленами при помощи перочинного ножа и красок:

— Хулиганом растешь, мммерзавец! — приговаривал, настегивая, папаша.— Я тебя выучу, как портить художественные ценности! Вот тебе, вот!.. Не на улице живешь, в особняке княгини Гагариной!..

II.

Несчастье приходит с той стороны, откуда не ждешь. К Лазуткиным оно пришло со стороны спецкомиссии.

Спецкомиссия понюхала, пощупала, посмотрела, сказала:

— Прекрасное помещение под диспансер. И сад при доме...

— Позвольте, — звывли Лазуткины, — а мы как же?..

— Вам будет предоставлена жилплощадь.

— Что там жилплощадь! — вскипел Лазуткин. — У меня дополнительных 20. У жены, как научной сотрудницы, дополнительных 20. У бабушки, которая здесь не живет, дополнительных 20. Собачка на третьем месяце беременности...

Дело о переселении Лазуткиных затнулось. Спецкомиссия выискивала жилплощади, а Лазуткин отвергал:

— Позвольте, но почему? Прекрасное помещение, водопровод, канализация...

— Мало-ли что канализация!.. Мне у соседки, с правой стороны, нос не нравится!..

III.

Однако, пришлось-таки выехать.

Всю ночь шла работа. Лазуткин с молотком, в позе полководца, ходил по пустым уже комнатам и командовал:

— Вьюшки-то от кухонной плиты не забудьте!.. Дверные ручки тоже вывернуть нужно, они бронзовые!..

— А провода от звонков рвать?

— Рви! В хозяйстве и провод пригодится.

Когда ручки были вывинчены, шпингалеты вывернуты, провода обрезаны, перламутровые инкрустации выколупаны, — Лазуткин взглянул на прекрасные гобелены и сердце его сжалось:

— Этакая ведь роскошь — и кому достается!.. Какие-то там туберкулезные!.. Много они понимают в гобеленах, как же!.. Лукерья, дай-ка мне кочергу и побольше сваренного кофе... Я им сейчас покажу гобелены!..

IV.

Говорят, конец венчает дело. А здесь дело увенчало конец. «Дело» в наруде.

М. Андр.

КАМЕНИСТАЯ МУКА.

Нам пишут:

За июль месяц рабочим Верх-Упалеевского завода была выдана мука, непригодная к употреблению, так как ее приходилось разбивать деревянными молотками.

Разная мука бывает.

Есть, что тает порошком,

А другую разбивают

Деревянным молотком.

Наш союз весьма огромен,

И возможности легки,

Что в глуши каменоломен

Залегает пласт муки.

Но продукция такая

Для рабочих только вред;

Им нужна мука простая,

А простой муки и нет.

Тридцать фунтов с половиной.

Эта глыба не мала.

Долбанешь разок дубиной

И промолвишь: как скала.

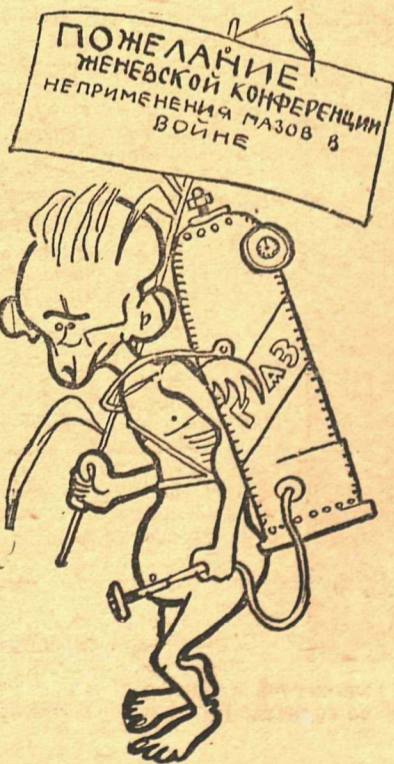
Взмахи. Скрежет. Грохот. Стуки.

Подлетают молотки...

Грызть легко «гранит науки»,

Погрызи гранит муки!

Некто Вася.

У счетовода Фридобрика комната была, как у многих людей, кругом 16, но несчастье не приходит одно: жена у него тоже была кругом 16. Жена Фридобрика каждый день подрисовывалась. Боялся Фридобрик двух вещей: во-первых — что жена, неловко повернувшись, его задушит, во-вторых, что потолок обрушится, и его раздавит. И мечтой его было, чтобы жена стала об'емом меньше, а комната безопаснее и больше.

— Ну, чего звоните, будто на пожар? — недовольно прорычал председатель жилтоварищества № 1 по темному переулку, Океанов, впуская Фридобрика, — успеете, над вами не каплет!

— Каплет! — робко сознался Фридобрик, бочком следуя за мощным задом Океанова в кабинет последнего. Везде: и со стен каплет, и с крыши, и из окон льется. На счет ремонтника... пора бы!.. а?

— Не понимаю! — возмущенно пробасил Океанов, бухнувшись в кресло и сложив ручки на животе, — кажется, всем известно: общее собрание через три месяца. Тогда и будет время обсудить, взвесить, посоветоваться, изыскать... Нельзя быть таким скоропалительным.

Фридобрик отступил...

Через полтора месяца в один прекрасный вечер квартира Океанова была ярко освещена. У Океанова были гости. В разгаре карточной игры хозяин поднял глаза, увидел перед собой Фридобрика в совершенно не-описуемом виде:

— Что с вами, батенька? — взбудоражился Океанов и даже отложил колоду, — не стряслось ли чего? Лицо — прямо чистый мел. Смотрите, господа, на него, какой у него вид.

— Мел-то мел, товарищ Океанов, — пролетел Фридобрик, похожий на булочника, вывалившегося в луже, — только не очень чистый. Штукатурка прямо над головой осыпалась. Я к вам насчет ремонтника! Когда же... А?...

— Чудак вы, — великолепно развел руками Океанов. Вечно приходите в неурочное время. Ведь вам же известно, что через три недели общее собрание, а вы с просьбами. Да могу-ли я единолично злоупотребить данной мне властью? Скажите, могу? Не могу, милый! Никак!

Гости сочувственно молчали.

За день до общего собрания Океанов, возвращаясь вечером из ресторана, заметил у ворот дома несколько жильцов, окруживших плачущую жену Фридобрика.

— Что с ней? — спросил Океанов. У нее такой убитый вид!

— Не у меня, сквозь рыдания проговорила жена Фридобрика, это у моего мужа убитый вид. Потолок обрушился. На смерть задавил. И на ко-го же ты меня поки-и...

— Печально... печально... — сокрушенно сказал Океанов, — Накануне собрания, и вдруг такая неосторожность. И как это его угораздило под потолок попасть? Не-е-е понимаю.

— Товарищи и товарищество № 1, ревел на общем собрании Океанов, будем образцовыми. Пусть дом 1 по Темному переулку будет примером для всех домов. Я призываю вас помочь вдове безвременного погибшего Фридобрика путем сборов среди членов нашего жилтоварищества. Открывая подписку, правление вносит 2 руб. 20 коп. и предлагает всем нести свою лепту. Мы должны, мы, наконец обязаны...

Вдова плакала и благодарила.

Члены товарищества растроганно смотрели на Океанова:

— Ну, как такого ревизовать?... Разве подымутся руки?

Блеф.

БРОДЯЧИЙ КРОКОДИЛ.

В Городце, Нижегородской губернии, появился живой крокодил, бродящий по лугам и кусающий жителей. Жители Городца спрашивают: — не сбежал ли Московский «Крокодил»?

Туго нам вопрос завинчен,
Но ответить хватит сил:
Во Городце гуляет нынче
Неизвестный Крокодил.
Ходит он, как кот под дубом,
Зол, нахмурен и зубаст,
Глянет влево — хватит зубом,
Глянет вправо — вилой даст.
Ходит он в красе и силе
В царстве тьмы и тишины.
Вы нас спросите — не мы ли?
Безусловно это мы!
Тех, кого заело пьянство,
Наш расжевывает рот!
Бесхозяйственность, комчанство, —
Хватя на вилы и в живот!
Вплавь и вброд, везде хвостатый
Проплывет или пройдет,
Профсоюзные растраты,
Лишь понюхает — найдет
Он во всякую погоду
Может мышью в щель пролезть.
Проползает по заводу:
«Упущенья, братцы, есть?»
Глазом хищным и веселым
Озирает вольный свет,
Проползает он по селам,
Залезает в Сельсовет.
Надо как-нибудь спасаться
От ударов грозных вил.
Что же делать?

Подписаться,
Поскорей на «Крокодил»!

Он-же

ОТВОД ГЛАЗ.

1.

Доклад у директора завода близился к концу.

Директор Огоньков, потянувшись, сказал:

— Как же с сырьем-то мы проморгали? Э-эх! За это по шее бьют... По моей и по вашей... Пронюхают рабкоры... Да, кстати! Хлам-то мы из амбаров выгрузили, а покупатель отказывается взять его до среды. Беды в этом нет, однако, надо предупредить рабочих, что это—не упущение. Вывесите объявление в таком духе, что «рабкоров-де просят не беспокоиться».

Инженер сказал: «Хорошо»—и вышел.

Через полчаса объявление появилось у главного входа, а еще через пять минут член ячейки Общества радио-любителей Пискин заклеил его призывом О-ва к зайцам воздержаться от хищения телефонных трубок.

С этого и началось.

2.

Неизвестно почему и как, забрел в этот день Иванов в самый глухой угол заводского двора, к тем воротам, что выхо-

дили на шоссе и годами не открывались. Забрел туда, Иванов взглянул и... замерло у Иванова сердце.

Возле кирпичной заводской стены, под мелким дождем, ничем не прикрытые, мокли два ржавых локомотива, десятка три ручных станков, огромное количество железного лома, запасных частей и еще разная разность... Словом, было это настоящее заводское кладбище, «иде же нет печали и воздыхания».

— Мать! — зашипело в Иванове. — За душу! Что за притча? Два года рабкорствую, и не видал! За последний месяц одну заметку об унигазах написал, а такого не заметил! Или дирекция «слово» знает? Ну, погоди же!

Кинулся Иванов домой, как на крыльях, и в воротах чуть не сшиб Петрова.

— Ох! Иль ты ошалел? Что же людей-то давишь? Не автобус, чай!

— Такая, брат, чертовщина, что ошалеешь... Рабкор я или не рабкор? Хвост я овечий, а не рабкор!

— Да в чем дело? Кладбище? У стены? Врешь? Не может быть! Так я ж... Ну, держись, дирекция!

— Петров! Эй! Аль горит что? — крикнул Петрова Сидоров.— Остановись на

часок! Как? Локомотивы? Станки? Под дождем? Быть того не может. Ах, я, голова! Материал-то ведь каков!

И все три рабкора рысью помчались в редакцию.

3.

— В двенадцати газетах, — сказал на следующий день инженер, входя в кабинет к Огонькову, — отшлифовали...

Огоньков приподнялся на стуле, а волосы приподнялись на голове у Огонькова!

— Из-за сырья? Чорт!..

— Да нет... — успокоил инженер. — Из-за хлама...

— Уф-ф! — опустил Огоньков на кресло, чувствуя, что душа у него из пяток поднимается кверху. — Знаете что? Жаль, что мы этот хлам продали... Замстная вещь... В глаза бросается. В случае бы каких настоящих промахов вытаскивали бы его на двор, то в одном месте, то в другом, рабкору бы для отвода глаз...

4.

А все это к тому, что приходится рабкору и членам производственных комиссий углублять работу.

Переводятся заметные вещи.

И Пискины не всегда помогают.

В. Авилон.

ЧЕЛОВЕК С ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЛКОЙ.

Локомотив фыркнул испуганной кошкой и остановился у перрона.

Земцов, не спеша, поднялся со своего места и стал продвигать к выходу свою жену, легко придерживая ее сзади за талию. Оттеснив какого-то гражданина в промежутке между скамьями, зажал юного пионера в проходе, основательно двинул локтем напуганную девицу с огромным букетом ромашек, но при этом сделал жест будто его самого толкнули. К тому же он так любезно извинился, что девица не обиделась.

Пять минут напряженной работы с выражением строгой законности на лице, гипнотизирующей, не позволяющей никому протестовать,—и Лидочка уже на передней площадке.

Так иногда за шашечной доской плутующий партнер продвигает рукавом свою шашку в дамши...

Земцов заботливо помог своей жене сойти с высоких ступенек вагона, нежно взял ее об-руку, и они вместе направились к выходу.

В общем воскресенье на даче было проведено хорошо. Жаркий день как-то удачно сочетался с холодным пивом, и в картах Земцову повезло. То-есть выиграл он всего около рубля, но дело не в этом.

— Я не гордый. Лучше выиграть рубль, чем проиграть десятку. Правда, Лидочка?

Рис. Ив. Малютина.

НЕДОВОЛЬСТВО „КРОХОДИЛОМ“.

— Чорт-е-что! Я свой самогонный аппарат точь-в-точь по рисунку Малютина сделал, а он, подлый, ни к чорту не годится! Ну, и художник нынче пошел! Тьфу!

— Правда! — засмеялась та. Но вдруг ее личико брезгливо сморщилось.

У вокзала, где трамвайная остановка, стояли котлы для варки асфальта. А в котлах, как червячки в лимбургском сыре, копошились беспринятые дети. Они шныряли и в публичке, ждущей трамвая, а один из них прошел даже между Лидочкой и ее мужем, толкнув обоих.

Лидочка жалобно потянула:

— Котик, почему их не уберут отсюда?

— То-есть как это—уберут? Это, Лидочка, не мусор,—это живые люди! И наша обязанность, так сказать, долг перед народом и чувство советской общественности—всемерно содействовать, объединяться в общество «Друг детей»...

— Это, что ты вынадцать копеек уплатил?

— Дело не в сумме, Лидочка. Ты, ведь, понимаешь, что если все люди с общественной жилкой, следуя моему примеру...

Земцов говорил, утешаясь своим красноречием и, хотя он при этом ставил на вид жене ее отсталость, та не обижалась. Наоборот, Лидочке очень нравилось, что ее муж такой передовой, общественный.

— Посмотри, Лидочка,—продолжал он,—посмотри сама на этого мальчугана. Ну, разве это не прелесть? Пусть он в лохмотьях, вымазан сажей... Но какие бойкие, умные глаза! Разве при соответствующем воспитании из него не выйдет бы полезный гражданин нашей республики?

— Да, да, Котик. Я только говорю, что следовало бы с вокзалов убирать...

В это время подошел трамвай. Земцов опять пустил в ход свои способности. Умело лавируя в толпе, он ловко подсадил Лидочку, сам нырнул за ней в вагон и скрылся за спинками барахтающихся и цепляющихся за поручни людей.

— Кондуктор! Два билета по полторы станции...

— Надо приготовить деньги, гражданин. Вы же задерживаете.

— Я сейчас... я...

Земцов растерялся. Красный и потный, он уже по несколько раз перебегал пальцами из одного кармана в другой, из жилета в брюки, из брюк в пиджак.

Напрасно. Кошелек не было.

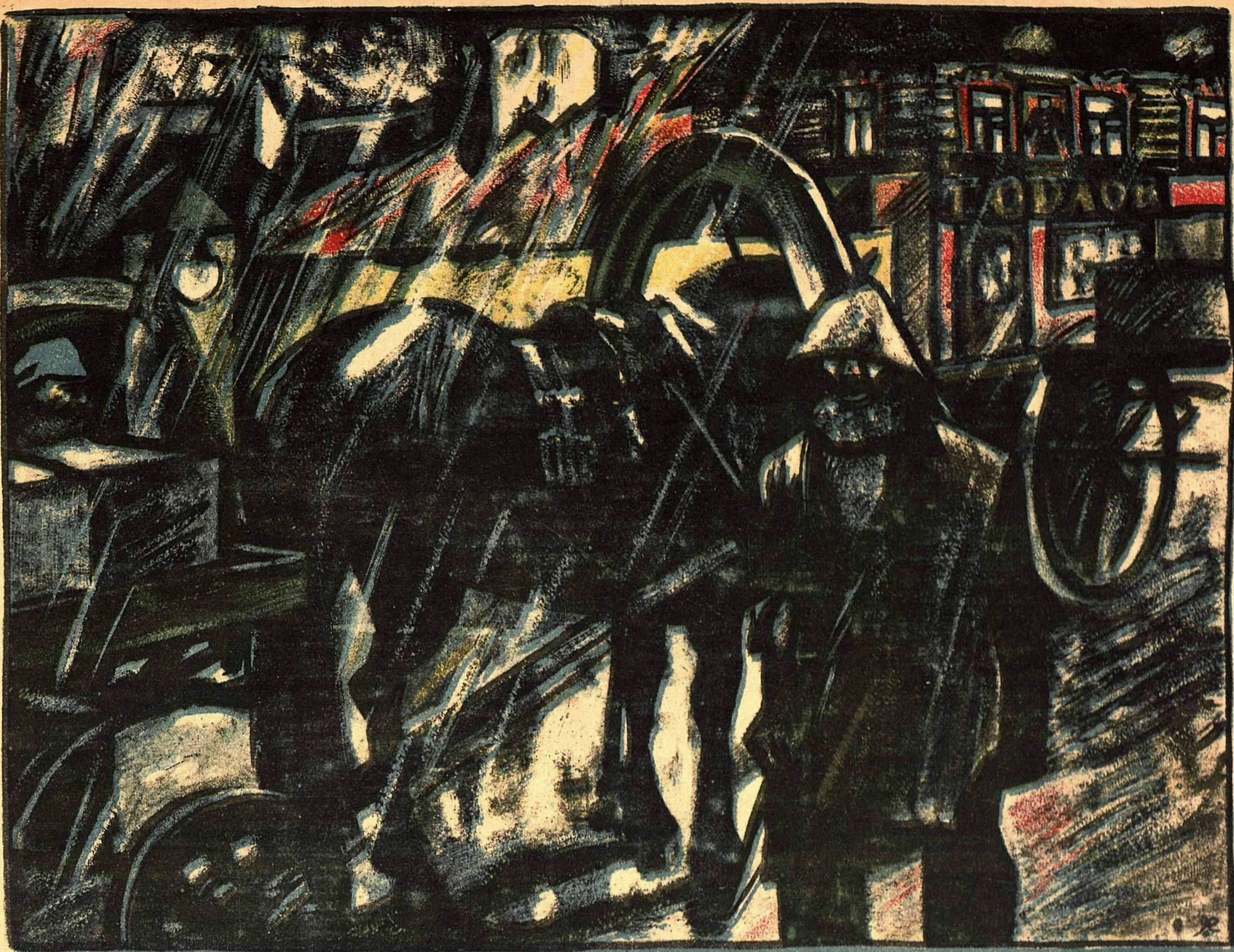
— Лидочка,—бормотал он,—ну, как-же это? Неужели... беспризорные?

— Конечно. А когда я говорила, чтобы убирать...

— То ты говорила глупости! — огрызнулся Земцов,—не убирать, а перестрелять этих мерзавцев следует. Вот что.

Общественная жилка Земцова с испугу забила совсем слабым, угасающим пульсом.

Маноля.

— И откуда этот дождь проклятуший! Никак не пойму...
— Эх, ты несознательный! Нешто не читал в газетах, что сегодня день будет сухой.

РЕВМАТИЗМА РАХИТОВИЧА ПОДАГРЫ, ПОПАВШЕГО НА КУРОРТ В ГАГРЫ, ЗАКОПАННОГО В ГРЯЗЬ ПО ПОЯСНИЦУ

ПОСЛАНИЕ

За границу.

«Поэтом В. Ходасевичем печатаются в эмигрантской прессе очерки, в которых он доказывает невозможность культурной работы в Советской России».

Вот, ей-богу, сам я вижу:—
Что ни утро—гонят в грязь
Ревматизм, рахит и грыжу,
Хошь не хошь—по шею вдазь!

Это-ж ужасу подобно!
Это—дьявольский режим!!
Горячо и неудобно...
Нет! Бежим, бежим, бежим!

Зуду, ною и ломоте
В «черных» места нет костях,
Говорят же что в почете
Мы в «Руле» и в «Новостях»?!

Если-ж «фронт единый» высох
И трещит куда, ни гнуть,—
Мы без вас в передовицах
Поместились как-нибудь.

Не оставьте нас ответом,
Большевизма—грязь итог!
Мы-ж пред целым «белым» светом
Засвидетельствуем то.

Ник.. Асеев.

КРОКОДИЛ ИСЦЕЛИЛ.

(Сказка)

У одного богатого - пребогатого нэпмана - спекулянта появился в горле нарыв. Огромных размеров. И стал нэпман мучиться. Позвал докторов и пишет на бумаге:

— Ежели, господа доктора, от нарыва меня спасете, то дам каждому по сто червонцев, потому—мучаюсь!

Посмотрели, посмотрели доктора—видят нарыв огромнейший, да и сто червей—не пес. Однако, отказались.

А один из докторов и говорит:

— Читал я как-то в книжке, еще мальчиком был, что такая же история приключилась когда-то с одним богачом. Так что-ж вы думаете. Обезьяна разные штуковины и выкрутасы выказывала, больной хихикнул как следует, нарыв-то и того лопнул.

Больной пишет:

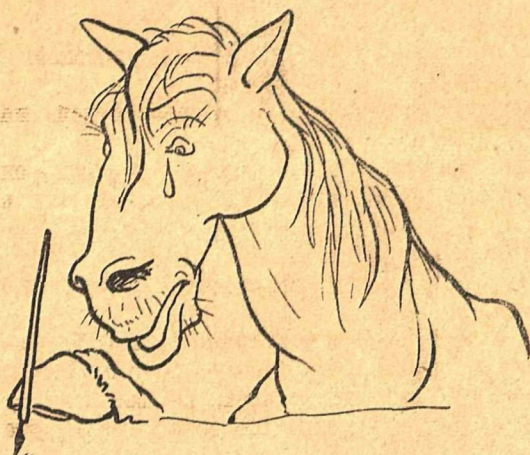
— Обезьянов я ненавижу всеми фибрами своей души и нехай идут к чортовой матери, а что-нибудь смешное—дайте об это место!

Вышли доктора за ворота, видят—идет человек, читает «Крокодил» и хохочет во все горло, аж со стороны весело становится. Доктора обрадовались, принесли больному нэпману «Крокодила». Тот развернул, посмотрел, прочитал страничку-другую...

И, действительно, лопнул.

Не нарыв, конечно, потому смешного для нэпмана мало было в «Крокодиле», а сам нэпман, со зл! Вл. П.

НАШ ПАНОПТИКУМ

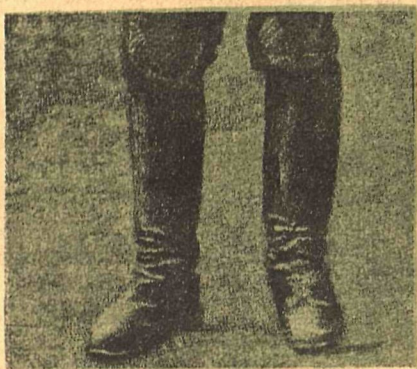

ВОПЛЬ ЛОШАДИНОЙ ДУШИ.

Краснодарская почт.-тел. контора, Кубан. окр.)

С гордостью выставляем портрет нашего первого лошкора, смело и открыто написавшего нам о тяжелой жизни в конторском транспорте. «Вот уже год», — пишет чудное животное, — «как нас кормят дачей в 15 ф. овса за 18—20 часов работы. Да и транспорт разваливается. За несколько кварталов можно слышать, как с треском и грохотом ползут подводы с посылками. А потом рассыпаются, и по ночам стоят на улице, и часовой охраняет посылки. Помогите, тов. «Крокодил», на тебя одна надежда».

С почтением: лошкор Гнедко.

ЧЕГО ЛЕВАЯ НОГА ХОЧЕТ.

(Ильинское лесничество, Чувашская республика).

Этими ногами лесничий Никитин, подает пинки детям, играющим на площадке возле лесничества.

Кто бы его, Никитина, стреножил?

Пшик.

ВОПРОСЫ ПЕЧАТИ.

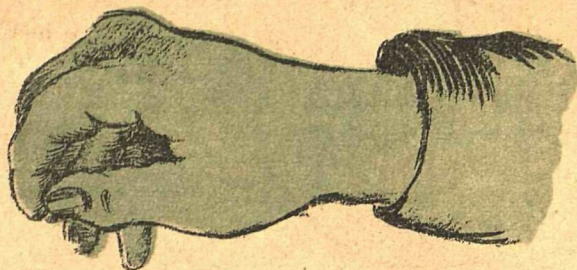
(Дело всесоюзного масштаба).

Что за клякса?

И вовсе не клякса. Это официальная, советская, государственная печать Николаевского сельсовета, Алатырского уезда, Ульяновской губернии. Вы скажете — мелочь. Нет, не мелочь. Ибо крестьяне видят в печати революционную законность, знак власти советов... Знаете, что значит для населения печать!

А сколько их, таких сельсоветов с такими «печатами»...

И. Грошев.

ЕЩЕ О ГИГИЕНЕ И ЗДОРОВЬИ.

(Станция «Орехово», Моск. губ.).

Пригоршня, которой люди пьют воду из бака, стоящего на станции. А почему? Ну ка, ЦРК, догадайся.

Н. Политов.

МЕСТО НЕ ПОДХОДЯЩЕЕ.

Москва, 1-я ситценабивная фабрика).

То место, где находились глаза у администратора, покупавшего вентиляторы для спальни № 123. Из шести вентиляторов четыре оказались негодны. Итого — 720 рублей.

Гражданин! Переставь глаза, куда следует — освободи площадь для щелчка.

КАРАМЕЛЬ
НАРОДНАЯ

КОСАРЬ

СОВЕТСКОЕ СЮСЮКАНЬЕ.

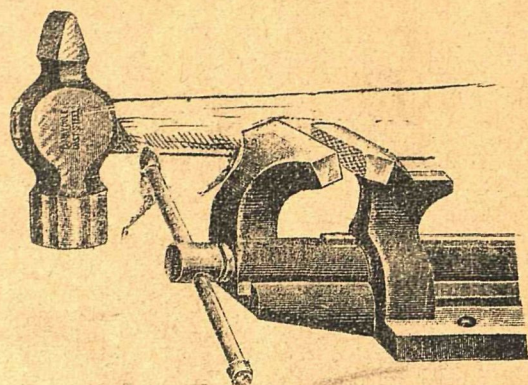
Бывает и такое. Где? Нигде, кроме...

Бедняга Моссельпром выпустил карамель «Народную». Вот экземпляр обертки: «Косарь». Смотришь на этого цуцка — и диву даешься. Да видел ли Моссельпром хоть раз в жизни живого мужика?

Опомнись, Моссельпром! Время-то у нас какое? Рабоче-крестьянское ведь!! А у твоего крестьянина на косе напалок кверху торчит! Кудри его у парикмахера завить! Под мышку ему, для красоты, васильков напихал, — вредителей... Эх!!

М.С. МОССЕЛЬПРОМ =
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФАБРИКА
ИМ. П.А. БАБАЕВА
МОСКВА

Студент.

КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКОСТЕЙ.

(Кадиевка, коксо-бензоло-нафталиновый завод).

Этот завод в СССР единственный. Можно сказать, редкость. А на заводе, в ректификационном отделении, тоже имеется редкость. Работают там десять слесарей, и на всех — один молоток и одни тиски. Вот мы их тут выставили.

Говорят, что администрация завода не может быть названа иначе, как редкостью. «Крокодил» с этим согласен.

П. Махия.

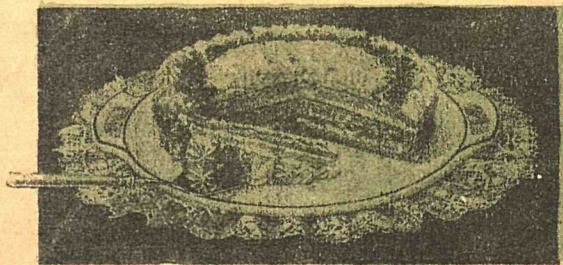

КОРОБОЧКА С СЕКРЕТОМ.

Это не что иное, как коробочка от пачки папирос, купленных в Юрьев-Польском отделении Александровского райсоюза. Достопримечательна тем, что стоит на 7 (семь) копеек дороже, чем на частном рынке и даже чем в магазине городского ЕПО.

Странная бухгалтерия у райсоюза!

Спец.

ПРЕДПОЧИТАЮТ СЛАДКОЕ.

(Чарноминский сахзавод, Подольской губ.).

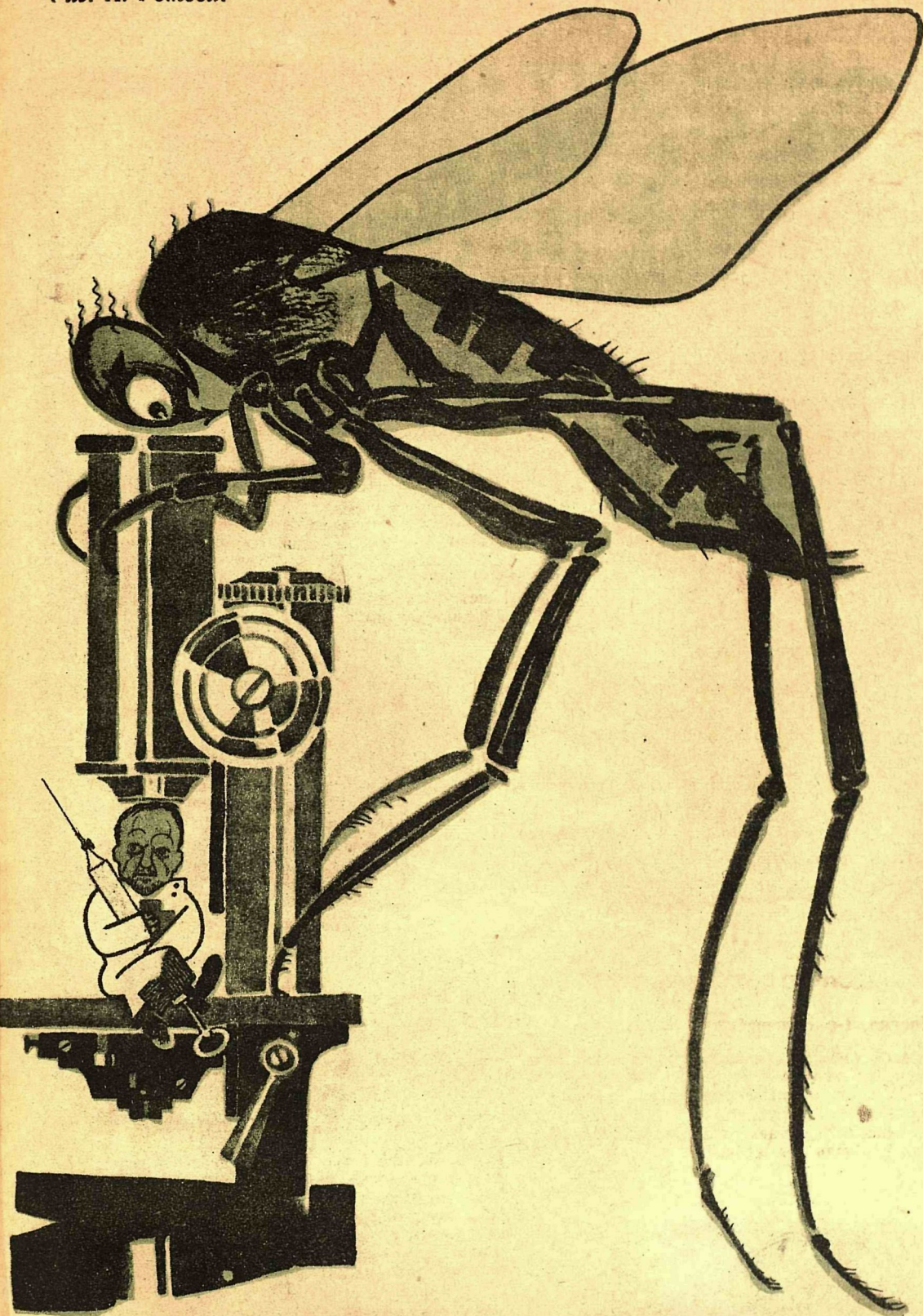
Этот самый торт был передан культкомиссии завода с просьбой разыграть в пользу пионерской организации на предстоящем спектакле. Ладно. Прошел спектакль, прошел следующий, время идет, — о торте ни слуху, ни духу. Сlopали его, что-ли?

Это все еще ничего. А вот тарелка из-под торта тоже пропала. Неужели и тарелку слопали?

Гайка.

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ „КРОКОДИЛА“.

Рис. К. Ротова.

МАЛЯРИЙНЫЙ КОМАР (с ужасом разглядывая Семашко):—Вот вредное насекомое! Одно жало чего стоит.

ГОЛАЯ ИСТИНА.

Вот уже два месяца прошло, как Андрей Перлов, студент-химик 1-го МГУ, работал на практике при сахароводе „Непобедимый Рафинад“.

Пора уж уезжать в Москву, но остановка за спецодеждой. Каждое утро между ним и администрацией происходил такой разговор:

- Дайте сапоги и штаны.
- В чем я поеду?
- Нам какое дело? В чем приехали, в том и езжайте.
- Приехал босиком, но тогда было жарко, а теперь дожди. Брюки же мои развалились, починить невозможно.
- А нам какое дело? Нам-то какое дело? Что мы—богачи?! — Как хотите, только в чем я поеду?..

И однажды вечером Перлов просто залез во всей спецодежде в вагон и забрался на верхнюю полку. В окна вагона голубой башлык месяца бултыхался. Внизу возвращающиеся из Крыма хвастались:

— 17 фунтов приняла. И спина вся черная-черная.

— Неужели?

— А Жоржик—25. Двадцать пять фунтиков!

— Неужели?

Андрей докурив папиросу, перевернулся на правый бок, и его закачало.

Сначала снилось ему, что, играя в городки, он одной палкой вышиб „колбасу“ и „бабушку в окошке“... И вдруг подходит к нему аген ОГПУ—теревит его и спрашивает:

— Вы зачем увезли спецодежду? Немедленно потрудитесь...

Перлов, смущенный и подавленный, что-то шепчет в свое оправдание, но в ответ—грозный окрик:

— Совестно молодой человек, на восьмой год революции расхищать народное достояние! Будьте любезны сейчас же...

И Андрей беспрекословно вручает спецодежду, а сам босиком и без штатов хочет уходить.

— Вы куда в таком виде?—кричит агент ОГПУ,—или хотите, чтобы я вас оптрафовал за нарушение общественной тишины?

— Не хочу, но у меня надеть нечего.

— Ка-а-ак?!

Андрей проснулся и тревожно пощупал на себе брюки и сапоги у изголовья.

— Целы,—проштал он. И не засыпал больше до самой Москвы.

Появление в общежитии Андрея Перлова в больших шагреновых сапогах и целых брюках вызвало неописуемый восторг его сожителей. Кричали „ура“, и многие в этот вечер говорили ему комплименты:

— Андрюша, как ты похорошел!

— Андрюша, как ты загорел!

И тут же спрашивали разрешения надеть сапоги или брюки часика на два. А некоторые говорили Андрею и неприятное:

— Зазнался ты там... Оторвался. Омелкобуржуазился...

Однажды в общежитие пришел милиционер и спросил:

— Где здесь будет Перлов?

— Я,—ответил Андрей.

— Вот здесь бумага из „Непобедимого Рафинада“, чтоб истребовать сапоги и брюки...

Тут Андрея перевернуло из черной масти в переспелый помидор, и он кротко удивился:

— Какие сапоги, какие брюки?..

Но еще через минуту беспрекословно отдал милиционеру сапоги и брюки.

И сразу почувствовал себя в родной обстановке, весело и уютно,—так как он ничем больше не отличался от своих товарищей студентов.

Б. Левин.

КОКА ВОЛОШИН.

Знали, наверно, вы Коку Волошина?..

Тип он—солидного веса...

С сильными мира он меньше горошины,

С нисшими—сколок с Зевеса.

С „Завом“ угодлив, как пара Молчалиных:

«Коф-с-р.. Чайку не хотите-ль?»...

А в канцелярии, в брюках засаленных,

Пляшет пред Кокой проситель.

Вышла раз с Кокой такая оказия:

Скромно, хоть, правда, без дрожи,

Стала пред Кокой какая-то... Азия,

Просто ни кожи, ни рожи.

Кепка... Толстовка... В штиблетах продушины...

Кока стал шире в орбите:

«Тысячи дел у нас нынче заслушаны...

Завтра, коль нужно, придите!»...

Тот ни полслова... Взяв линию среднюю,

Сел к регистратору сбока:

«Выгнать нахала, немедля, в переднюю!»...

Бодро скомандовал Кока.

Тип заморгал:—«Ну, какая-ж передняя...

Экий сердитый вы, право!

К вам в учреждение назначен наместник я,

В должности Завал»

Кока качнулся... Глаза перекошены...

О пол хватился жестоко...

Помер... Остались другие Волошины,

Точно такие-ж, как Кока!...

М. Андр.

32 11754

589

РОССИЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
24 СЕНТ
КНИЖНИЦА

ТИХАЯ РАДОСТЬ.

Рис. Ив. Малютин

...Были мало продуманные попытки истолковать политику партии примерно в том смысле, что кулачества у нас нет. (Из речи т. Зиновьева).

КУЛАК: — А приятно, хе-хе, из газетки узнать, что кулаков больше нетути.